

**«СИЛА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ»:
ПРАКТИКИ, МЕХАНИЗМЫ И МОДЕЛИ
УЧАСТИЯ ЖИТЕЛЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ
(на примере малых населенных пунктов Вологодской области)**

Артём Андреевич Чернега (chernega_1990@mail.ru)

Администрация Тотемского района Вологодской области,
Тотьма, Россия

Цитирование: Чернега А.А. (2020) «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(3): 51–77. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>

Аннотация. Рассматривается вопрос о роли активных местных сообществ в развитии территорий, представленный на материалах эмпирического исследования малых населенных пунктов Вологодской области. Постановка вопроса предполагает анализ классического противоречия между социальной структурой и действиями людей в соответствии с теоретико-методологической логикой интегративного подхода (П. Бурдьё, Э. Гидденс). С одной стороны, структура диктует определенные правила взаимодействия и деятельности в пространстве глубинки. С другой стороны, жители участвуют в стимулировании ресурсно-распределительных процессов, объединяясь в сообщества и тем самым привлекая ресурсы на малые территории и усиливая появление новых сообществ. Статья включает теоретико-методологический и эмпирический разделы. В первом разделе анализируется модель территориальной структуры как разновидности социальной, через систему распределения ценных ресурсов обосновывается специфика ее социального конструирования. Систематизируются подходы к категории местного сообщества (местных сообществ) как конгломеративной сети горизонтальных социальных связей по поводу распределения ценных ресурсов в приложении к определенным пространственно-временным границам. Эмпирический материал получен на основе включенного наблюдения и кейс-стади малых населенных пунктов в восьми муниципальных районах Вологодской области (2017–2020 гг.). Данные собраны при использовании корпуса методов: интервью, наблюдение, анализ документов, анкетный опрос, фокус-группы и др. Научная новизна исследования состоит в этнографическом описании и систематизации разновидностей наиболее типичных практик формирования активных местных сообществ в малых населенных пунктах (практики основаны на инициативном лидерстве, локализации общественной проблемы, общности ценностей и интересов, выработке проектных решений), механизмов вовлечения сообществ в процессы развития территорий (общественные обсуждения, инициативное бюджетирование, краудфандинг, проектная деятельность, деятельность некоммерческого сектора, инфор-

мационные сети, конструирование туристических достопримечательностей, механизмы землячества и инвестирования), моделей участия сообществ в развитии малых территорий. Среди последних прогностическую ценность имеет модель системного управления инициативами.

Ключевые слова: местные сообщества, развитие территорий, глубинка, проектное управление, ресурсы.

Люди и территории: к вопросу о проблематизации

Роль личности и сообществ в развитии территорий, привлечении ресурсов и их капитализации — один из основных междисциплинарных вопросов социально-экономических наук и практики социального управления. Особенно актуальный рост он приобретает, когда речь идет о том, каким образом наиболее эффективно вовлечь жителей малых населенных пунктов в сохранение и развитие территорий проживания. Дискурс активизирован в научном поле социальной географии, теорий пространственного развития, социологии управления и других направлений. На протяжении более десяти лет все более заметна проблематизация дискурса в системе общественных и общественно-политических обсуждений, так или иначе вопрос находится на повестке дня Общественной палаты РФ, крупнейших благотворительных фондов России, руководящих органов страны.

С одной стороны, источники и эксперты говорят о значимой практической роли привлечения жителей к управлению локальными порядками. С другой стороны, дискуссионными остаются вопросы о конкретных методах, механизмах вовлечения и о лучших локальных практиках (кейсах) и тиражировании таких практик. Иными словами, проблемным остается вопрос о том, как настроить локальную территориальную систему так, чтобы жители, формирующие сообщества, сами на основе разделения гражданских ценностей запускали механизмы территориального ресурсного самообеспечения. Как сделать локальные сообщества активными в конструктивном ключе.

Актуальность статьи заключается в пересмотре в русле интегративной социологической логики взаимовлияния процессов активной социокультурной деятельности местных сообществ (на примере вологодской глубинки) и перераспределения ресурсных потоков в пространстве малых населенных пунктов, снижения социальных неравенств за счет инициативного создания и перераспределения общественных благ, значимых для локальной территории.

Научная значимость представленного материала обусловлена попыткой на основе авторского социологического исследования канализировать

и репрезентовать процесс вовлечения сообществ в развитие малых населенных пунктов, выделив и систематизировав при этом практики, механизмы и модели данного процесса.

Территории как элементы социальной структуры

В русле интегративного подхода (П. Бурдьё, Э. Гидденс) социальное неравенство понимается как неравное распределение ценных ресурсов в определенных пространственно-временных координатах в соответствии с определенными правилами. При этом роль ресурсов отчетливо продемонстрирована в теории структуризации Э. Гидденса: ресурсы становятся реальными структурами только тогда, когда воспроизводятся в процессе взаимодействия между людьми; сами по себе эти ресурсы не ведут к образованию неравенства и структуры (Гидденс 2003). С позиции социологического подхода социальное пространство многомерно, и одним из его измерений может выступать социально-территориальный срез, элементы которого обладают неравными статусными позициями.

Прерывистость и районированность, наличие границ. Одни участки пространства, т.е. территории, более ценны и желанны (центральные части города), чем другие (городские окраины). В одной части пространства решаются вопросы, касающиеся большого числа людей, поэтому взаимодействие там протекает активно (политическая столица), для других частей характерны противоположные тенденции (вымирающее село). Как прерывисты другие срезы социального пространства (богатые и бедные, здоровые и лица с ограничениями по здоровью, граждане и мигранты), так прерывист и его территориальный срез («здесь живут лучше, а там — хуже»). Между территориями существуют как естественные границы (горы, водоемы), так и социальные (региональные и государственные границы, система паспортов и прописок, объем имеющихся ресурсов и т.д.). К функциям границы можно отнести «сохранение и регулирование каркаса социального пространства, а также регулирование процесса социальной мобильности из одних участков пространства в другие» (Ильин 2000: 263).

Структурируемость, статусная позиция и социальная дистанция. Существование участков и границ между ними обеспечивает структуру территориального пространства. Под статусной позицией понимается место территории в этой структуре; позиция выступает единицей последнего. Территории, так же как социальные общности и отдельные люди, могут занимать схожие или неравные позиции в общей структуре, вовлекаясь в логику конкуренции за получение более высокого положения в статусно-распределительной системе (например, «глубинка» и «столица»)

(Бурдые 2003: 42). Статусные позиции предопределяют наличие дистанций в социальном пространстве. Дистанция — это характеристика степени удаленности одних территорий от других, измеряемая разницей между статусными позициями, отражающей неравный доступ к обладанию различными благами. Объективные различия между территориями (экологические, природные, политические и др.) в определенных социальных контекстах могут превращаться в факторы социального неравенства, хотя сами по себе таковыми не являются. Следовательно, статусные позиции могут быть более или менее престижными.

Иерархия. Наличие социальных дистанций предполагает иерархическое взаиморасположение статусных позиций и соответственно иерархическую структуру самого пространства. Иерархия — это система объективации, легитимизации и воспроизводства неравенства участков пространства. Неравенство основывается как на различиях между территориями, так и на их неравных статусах. Физические различия всегда объективны, тогда как неравенство задается в социальных координатах и интерпретируется в условиях (параметрах) социальной среды.

Распространенным является сравнение двух противоположных исследовательских концептов в ракурсе дифференциации социально-территориального пространства: глубинки (периферии) и столицы (ядра). Ценимые ресурсы, неравномерно распределяемые в социальном пространстве, влияют на формирование неравенства между территориями, являющегося интегральным по своей сути и конвертируемым в иные типы социальных неравенств. Столица — это полюс пространства с наибольшей концентрацией какого-либо ресурса (например, экономического в экономической столице страны). Глубинка, напротив, располагается на периферии относительно основных потоков социальных взаимодействий по поводу распределения ресурсов. Иногда глубинку сравнивают с «дырой» («у нас не город, а дыра»), тем самым намекая об отсутствии на периферии каких-либо значимых ресурсов. Толковый словарь русского языка определяет слово «глубинка» как «место или населенный пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов» (Толковый словарь 2003).

П. Бурдые отмечает, что «столица является местом капитала, т.е. местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции... следовательно, столица не может осмысливаться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ничем иным, кроме лишения (относительного)» (Бурдые 1993). Э. Гидденс акцентирует внимание на структурировании центра и периферии и их соотношении в контек-

сте практик социальной мобильности, указывая на то, что «те, кто занимает центральные зоны, “устанавливают” контроль за ресурсами, позволяющими сохранять дистанцию между ними и людьми с “периферии”» (Гидденс 2005: 198). Концептуальная двойственность «столица — глубинка» имеет универсальный характер и далеко не в полной мере соответствует экономико-географическому делению на столичные и периферийные территории.

Исследовательский ракурс статьи предполагает рассмотрение и анализ конструирования и перераспределения в территориальном пространстве малых населенных пунктов Вологодской области ценных жителями социокультурных ресурсов за счет их активной деятельности.

Местное сообщество или местные сообщества?

Жителей определенной территории нередко называют местным сообществом. Насколько оправданно такое обозначение — предмет научных и общественно-популярных дискуссий. Многообразие существующих определений местного сообщества обусловлено сложностью и неоднозначностью данного феномена (Демчук 2019). В обобщенном виде можно выделить две группы подходов: территориальные (статистические) и коммунитарные. В основе первой группы лежит признак принадлежности проживания людей в границах единого пространства. В качестве дополнительных, но необязательных характеристик выделяются следующие: сообщества могут разделять универсальные ценности, нормы, устои, обладать некоторыми едиными статистическими или институциональными характеристиками (половозрастной состав, гражданство, занятость и др.). Данная группа подходов чаще применяется в социально-экономической географии, социальной статистике, в количественных социологических исследованиях. В основе второй группы подходов лежит коммуникативный поворот. Акцент сдвигается с подсчетов и определений на качественный (в социологической и гуманитарной традициях) анализ специфики существования, деятельности, развития тех или иных сообществ. В такой конфигурации на одной территории сосуществуют самые разные сообщества, при этом индивид может разделять ценности сразу нескольких из них. Главным становится взаимодействие — прямое или опосредованное. Члены сообщества — это не статистические группы, а находящиеся в совместных социальных действиях люди. Воспроизводство сообщества достигается в процессе взаимодействия и обмена ресурсами. Особую роль при взаимодействии играют так называемые «социальные ожидания», трактовка которых дается в работах М. Вебера (Вебер 1990). Формирование местных сообществ рассматривается М. Вебером как про-

цесс образования структур посредством устойчивых рациональных взаимодействий субъектов, под которыми понимаются взаимообусловленные действия, по смыслу соотносящиеся с действиями других людей и ориентирующиеся на них (Прохоров 2016).

Попытка объединения обеих групп подходов и снятия их ограниченности представлена в работе Н.В. Демчук (Демчук 2019). Местное сообщество — это определенная стадия развития территориальной общности, обобщенные качество и степень взаимодействия людей, проживающих на некоей территории. В рамках нашей работы под местным сообществом в малых населенных пунктах и муниципальных районах понимается общность людей, проживающих на определенной территории, находящихся во взаимодействиях разной силы между друг другом и субъектами внешней среды по поводу распределения значимых в то или иное время ресурсов.

Люди, определяющие реальность схожим образом, имеют общие волнующие их темы, общий набор ключевых слов, ценности, нормы, правила, а также близкие модели поведения, кроме того, они участвуют в конструировании тех или иных систем ресурсов (Ильин 2008: 62). Социолог В.И. Ильин утверждает: «Социальные ресурсы — это все то, что люди используют как факторы обеспечения своей деятельности... ресурсы имеют дискурсивный характер» (Ильин 2010: 91), следовательно, их сущность состоит во включенности в социальную деятельность в границах определенного пространства и времени. В одних случаях нечто выступает как ресурс, в других — как помеха.

Ценность ресурса проявляется в процессе его «полезного» использования: «...то, что объективно существует, но никто не знает, что с этим делать, ресурсом не является» (Ильин 2008: 54). Э. Райт использует категорию *valued resources* (ценимые ресурсы) (Райт 2000), что позволяет придать ресурсному подходу ценностно-ориентационную окраску. Ресурс символически или в материальной форме воплощает определенную ценность. Ресурсы могут быть ценными для большинства людей или только для отдельных социальных общностей и институтов. Многие ресурсы при этом имеют дефицитный характер, который выступает ключевым условием для воспроизводства неравенства в социальном пространстве. *Дефицитностью* объясняется и существование борьбы за ресурсы, их накопление и экономия.

Важное свойство ресурсов — их *конвертируемость*. Это свойство на глубоком уровне было проанализировано П. Бурдые (Бурдые 1993). Под конвертацией понимается переход ресурсов из одного состояния в другое или одних ресурсов в другие при наименьших транзакционных издержках.

Такой переход достигается посредством инвентаризации, т.е. перевода ресурсов в денежный эквивалент, или обмена, происходящего на различных уровнях — от межличностного до социетального. Например, физические ресурсы могут конвертироваться в экономические (индустрия красоты), экономические в статусные (престиж руководителя финансово успешной организации) и др.

Обобщая, стоит заключить, что местное сообщество — это конгломеративная сеть горизонтальных социальных связей по поводу распределения ценимых ресурсов в приложении к определенным пространственно-временным границам. Распределение разных ценимых ресурсов (не всегда пересекающихся между собой) позволяет говорить о местном сообществе как о группах местных сообществ, сосуществующих в единых пространственно-временных контекстуальных рамках.

Методология исследования и эмпирическая база

В основе статьи, с одной стороны, лежит представление о том, что развитие локальных сельских сообществ и малых городов численностью до 30 000 человек в значимой мере формируется под воздействием практик участия жителей в данном комплексном процессе — через сохранение и репрезентацию локальной памяти, формулирование и выдвижение общественно значимых инициатив, реализацию социальных проектов и др., т.е. через личное вовлечение в ресурсно-распределительные процессы. Вместе с тем следствием влияния практик участия жителей в развитии территорий является формирование новых локальных трендов, сообществ, институтов как новых элементов социальной структуры. Исходя из исследовательского фокуса выбрана деятельностно-структурная методология, позволяющая выявить взаимовлияние деятельности людей и образования объективных структур как функционирование единого процесса. В рамках такого подхода не умаляется объективное существование структур, а обосновываются механизмы их формирования (конструирования) в ходе активизации деятельности людей. Суть методологии наиболее точно выражена в словах Э. Гидденса, обосновавшего концепт дуальности структуры и действия: «В поведении людей, во взаимоотношениях, в которые они вступают, наблюдаются некие глубинные регулярности, а с этими регулярностями и связана идея социальной структуры» (Гидденс 1999: 28).

Корпус эмпирических материалов основывается на нескольких методологических перспективах. Во-первых, использована стратегия кейс-стади феномена социокультурного проектирования в г. Тотье и Тотемском районе Вологодской области. Углубленное погружение в изучаемый процесс исследователя ввиду текущей профессиональной деятельности в те-

чение более чем трехлетнего периода позволило изучить более 100 социокультурных проектов и контекстов их реализации, в том числе почти 50 проектов — на углубленной основе (серии интервью, включенное наблюдение, в том числе анализ результатов, участие в реализации проектов, фокус-группы). Цель применения качественных методов состояла в том, чтобы выявить мотивацию жителей малых территорий в предложении и обсуждении общественных инициатив, их временные, социальные, материальные ресурсы, которые они готовы вложить в достижение общественных благ, а также то, к каким личным и общественно-значимым результатам инициативные и проектные группы из числа местных жителей планируют прийти.

В статье использованы отдельные результаты комплексного социологического исследования «Факторы развития активного гражданского общества в условиях малых населенных пунктов», проведенного преподавателем и студентами 3 курса по направлению «Социальная антропология» Санкт-Петербургского государственного университета, специалистом сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа и автором статьи (исследование включало проведение блиц-интервью, глубинных интервью, фокус-группы, социальный эксперимент) в г. Тотьме в феврале-марте 2019 г. (в рамках проекта МБУК «Тотемское музейное объединение “Агентство музейного развития ‘Лоция’”», программа «Эффективная филантропия» при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина).

Во-вторых, материалы статьи основываются на кейс-стади малых населенных пунктов, проведенном в период 2017–2020 гг. в Бабушкинском, Великоустюгском, Шекснинском, Тарногском, Тотемском, Вологодском, Белозерском и Кирилловском районах Вологодской области. В рамках кейс-стади проведен анализ интернет-пабликов в социальных сетях, количественно-качественный анализ 45 статей районных газет, материалы социокультурных проектов, реализованных и реализуемых в малых населенных пунктах и на сельских территориях Вологодской области в период 2014–2020 гг. (более 50 проектов, включая почти 25 на грантовой основе), семь глубинных интервью с руководителями и участниками проектов, 10 интервью со старостами и жителями районов, включенное наблюдение четырех стратегических сессий по развитию территорий средствами проектной работы, культуры и туризма (2017–2020 гг.), три экспертных интервью.

Материалы исследования позволили определить:

- каким образом, за счет каких типичных практик в малых населенных пунктах Вологодской области происходит образование активных

местных сообществ на основе разделения общих ценностей и обмена ресурсами;

- как эти практики превращаются в механизмы и модели, позволяющие изменять жизнь в глубинке, привлечь новые ресурсы извне и превратить их в источники управления локальными порядками и перспективного развития.

Важно отметить, что в статье описаны и проанализированы типизированные практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории, выявленные в результате анализа социологических данных, однако объем эмпирического материала более значителен.

Практики формирования активных местных сообществ в малых населенных пунктах

Вопрос о специфике формирования местных сообществ носит краеугольный характер, поскольку, в конечном счете, определяет логику развития территории как системы сообществ.

Инициативное лидерство. Типичная практика формирования микрогрупп, а впоследствии и сообществ выстраивается вокруг деятельности инициативного лидера. Основа нового начинания, проекта — идея, становящаяся реальностью через импульс инициативы. Если отсутствует осознание сущностной основы того, что конкретно жители и резиденты территории планируют изменить, создать за счет деятельности или проекта, и для кого и в какой мере это востребовано, то не представляется возможным говорить и о самом проекте. Анализ полевых материалов показывает, что наличие идейного и готового «двигать... людьми» (респондент, мужчина, 55 лет) человека является «половиной успеха» (респондент, женщина, 38 лет). В статистическом отношении почти половина всех изученных инициатив, которые привели к формированию новых сообществ, в своей основе содержат стержень в виде конкретного человека (об этом говорят информанты, и это прочитывается в описании кейсов). Спецификация практики формирования сообщества выглядит следующим образом.

1. Появление неравнодушного к существующей ситуации / сложившимся на территории проблемам человека, обладающего харизматическими и/или экспертными ресурсами, ценными в тот или иной момент (личная харизма, готовность к рискам, знания в определенной области: памятники культуры, природа, ремесла и др., обладание социальным предвидением изменений, символическими ресурсами в виде связей, личного бренда и т.п.). Вместе с тем иногда в сельской местности таких людей называют «выскачками», а в городах — «городскими сумасшед-

шими». Социокультурное поле сопротивляется новым ресурсным включениям: *Сто лет стоял этот дом бесхозным, еще столько же лет простоит... зачем брать ответственность, придут с проверкой из N (областной центр), увидят, что мы тут начали реставрацию без согласований...* (респондент, женщина, 57 лет.).

2. Самостоятельные действия по изменению ситуации: типичные примеры — сбор документов, активизация взаимодействия с местными органами власти, личное участие в качестве рабочей силы в целях демонстрации инициативы (например, практики благоустройства территории), разработка авторских турмаршрутов и др. Здесь главное — позволить инициативе материализоваться через личное и непосредственное участие инициатора.
3. Постепенное складывание вокруг инициативы и нового лидера групп (а) сочувствующих, (б) готовых принять личное участие в осуществлении и (в) обладателей иных значимых ресурсов (например, спонсоры, СМИ, власть): *Хороший пример высадки деревьев в нашем новом парке ветеранов... он же заразителен, стоило только X (имя человека) начать, потянулись и другие... ну и теперь наша команда (немалая часть села) уже готова двигаться к восстановлению памятника.*
4. Приобретение лидером новых символических ресурсов и их закрепление как символических статусов. Например, некогда реализовавшийся совместно с жителями общественно полезный проект человек избирается старостой деревни как «опытный товарищ» (респондент, мужчина, 29 лет) либо становится общественным экспертом, к его мнению начинают прислушиваться жители, а в случае возникновения новой инициативы сообщество спланируется вокруг «вдохновителя».

Практика объединения сообществ Тотмы вокруг идеи популяризации местного достопримечательного элемента архитектуры, ставшего символом и локальным ресурсом, картушей, ценности которого разделяется и по сей день, и вокруг инициаторов процесса представлена в научном дискурсе ранее (Новосёлов, Чернега 2016). Вместе с тем стоит заключить: объединение людей вокруг лидера — трудный, поисковый процесс, это скорее идеализация. Зачастую на каком-либо этапе происходит слом, данный тип практики переходит в какой-либо из иных из представленных далее либо деятельность затухает.

Частные случаи практики **инициативного лидерства** выделяются по принадлежности «инициатора изменений» к месту деятельности: (а) местный/приезжий, а также (б) включенный в конструируемое сообщество или действующий по большей части извне, время от времени при-

езжающий на территорию. Новым трендом становится «экспорт лидерства»: частичный, когда активисты приезжие, но оседающие на территории, например с. Никольское Тотемского района, с. Шелота Верховажского района Вологодской области, или полный, при котором инициатор приезжает на территорию время от времени, но постоянно проживает в другом городе или регионе. Явных примеров последнего в Вологодской области нет, однако они характерны для Костромской (Солигаличский район), Архангельской (Пинежский район) областей, Республики Удмуртия (д. Сеп).

Еще одним частным случаем рассматриваемого типа практики является **командное инициативное лидерство**. Развертывание практики происходит схожим образом, однако сообщества формируются вокруг команды инициаторов/лидеров, обладающих разными ресурсами (в данном случае один человек может обладать харизмой, второй — специальными знаниями, третий — PR-навыками и т.п.). Эксперты регионального и федерального уровней все чаще отмечают, что социальное командное лидерство приобретает черты тренда. Так, конкуренция между муниципалитетами или населенными пунктами происходит не только за активных инициативных жителей, но и за эффективные команды, способные изменять мир вокруг себя — в среде сообщества.

Исходным элементом следующего типа практики формирования сообществ является **наличие локализованной в пространстве и во времени общественно значимой проблемы**. Люди, определяющие реальность схожим образом, используют близкие модели поведения (Ильин 2008: 62). Сам факт общественно значимой проблемы объясняется противоречием между желаемым набором ценимых определенной группой людей ресурсов и их отсутствием в реальной пространственно-временной системе распределения. Эмпирические материалы свидетельствуют: люди могут объединяться как вокруг сочувствия проблеме или желания ее решить, так и вокруг аналогичных практик по поводу так называемых лжепроблем. Грани между проблемами и лжепроблемами зачастую дискурсивны.

Сами проблемы могут быть простыми и сложными (иная классификация: очевидные и неочевидные). Для малых населенных пунктов особенно характерны первые. Классика жанра — примеры формирования сообществ вокруг решения проблем по благоустройству общественных территорий. При таких ситуациях практика формирования сообщества конструируется в соответствии с логикой сколяризации (Шманкевич 2012). Термин введен в оборот в контексте изучения школы, т.е. образовательной институции, как локального социального ядра территории. Проблема, как правило, на виду, она физически явная и становится ядром, а вовлечение

жителей в ее совместное, общее решение происходит как бы по спирали. Практику схематично можно описать так: инициатор публично заявляет о проблемной ситуации (например, яма в центре деревни), находятся сочувствующие, формируются новые связи по поводу решения проблемы (жители собираются, срабатывает «сарафанное радио»), происходит кооперация личных ресурсов жителей (время, рабочая сила, материалы, финансы и т.п.), проблема устраняется, а сплотившиеся члены сообщества могут взаимодействовать далее (системный эффект, проявляющийся в почти 50 % подобных ситуаций, изученных в ходе исследования). Действительно, роль инициатора, который обращает внимание на проблему, важна, но чувство сложившейся ситуации как проблемной (отсутствие тротуаров, неряшливый вид деревянных построек, неблагоустроенный подход к роднику и др.) изначально свойственно некоторому кругу жителей.

Иначе складываются практики при более сложных проблемах, таких как организация занятости трудных подростков, содействие развитию потенциала лиц с особыми потребностями и др. Проблематизация требует предварительной рефлексии, исследовательских практик, обсуждения (сходы граждан, круглые столы, совещания и т.п.), более комплексного типа договоренностей. Например, по принципу условно сложной проблемы в Тотьме возникло устойчивое самотрансформирующееся сообщество «Нескучный декрет», на системной основе решающее вопросы и проблемы участниц — женщин, находящихся в декретном отпуске (досуг, психологические и адаптационные трудности, выплаты, занятость и т.п.).

Сообщества, формирующиеся на общности ценностей и интересов.

Такие практики наиболее характерны для образования инициативных групп и организаций (общественные объединения, СО НКО), предполагающих гласное и негласное членство. Ценности и интересы в данном ракурсе — это символические и конвертируемые из них ресурсы. Например, ценности военной службы, сохранения памяти о значимых событиях прошлого, военной истории выступают базовыми посылами при образовании патриотически ориентированных сообществ. Ценность сохранения краеведческих знаний о жизни в Тотьме в XX столетии и в военные годы как ресурс конвертируется через активную исследовательскую деятельность ветеранской организации в новые музейные программы, книги, сплачивая тем самым сообщество ветеранов и усиливая сети их взаимодействия с жителями района (например, общественно полезный проект «Осколки времени — 2», <http://totma-vmeste.ru>). Восполнение недостающих смыслов прослеживается при реализации инициативы «Тиксенские святые»: духовно-религиозные ценности конвертируются в благоустра-

иваемые территории и турмаршруты посредством взаимодействия внутри местного сообщества в деревне Погорелово Тотемского района (проект «Тиксненские святыни», <http://totma-vmeste.ru>). Ценности конструирования новых сетевых взаимодействий позволяют активизировать социальную динамику лиц с особыми потребностями в Тарногском районе Вологодской области (новые формы досуговой занятости, коммуникация, адаптация к изменяющимся правовым условиям таких лиц в рамках проекта «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!»).

Общность интересов, разделяемых внутри сообщества и приводимых в действие посредством работающих на поддержание сообщества достаточно частых межличностных и межгрупповых коммуникаций, определяет еще один тип практики. Типичный пример формирования сообщества ремесленников и креативных менеджеров представлен реализацией проекта «Калейдоскоп ремесел» в Тотемском районе (проект «Калейдоскоп ремесел <http://totma-vmeste.ru>). В малых населенных пунктах наиболее частыми являются примеры образования инициативных групп при малых предприятиях, схожим образом работают учреждения культуры, осуществляющие культурно-досуговую и кружковую деятельность.

Проектные команды. Относительно новой по содержанию, но не по форме является практика формирования сообщества по типу проектных команд. Сообщество здесь условно собирается под определенные задачи (для их решения) в рамках заранее обозначаемых пространственно-временных границ. Члены сообщества — носители определенных компетенций (ресурсов), требуемых для решения задач. Иногда в процессе реализации проекта формируется групповая идентичность, сплоченность. Фактически все проектные команды, структура которых и структуры партнеров которых были изучены в ходе исследования, обладают потенциалом групповой динамики. Интересы крупных российских благотворительных фондов на сегодняшний день в практике реализуемых программ также содействуют формированию активных людей на малых территориях, способных выстраивать социокультурные сети и в дальнейшем, после собственно реализации конкретной инициативы, что подчеркивает развитие сообществ исходя из деятельности проектных команд.

Квазисообщества. На практике встречаются и случаи номинирования отдельных групп жителей как статистических сообществ, «как бы сообществ». Распространенность такого подхода превалирует в социально-экономической статистике (например, предприниматели, охотники, ремесленники и другие группы могут представлять сообщество, а могут — только статистическую группу). Иногда (но не всегда) под данную категорию попадают члены ТОСов.

Обозначенные выше практики демонстрируют некоторые типичные варианты формирования сообществ в малых населенных пунктах (на материалах исследования в Вологодской области). Каким образом ресурсы сообществ превращаются в источники развития и определяют логику конструирования статусно-распределительной системы в территориальном пространстве объясняют механизмы и модели участия сообществ в данном процессе.

Механизмы участия сообществ в развитии малых территорий

Механизмы характеризуются объективацией практик внутри сообщества или нескольких сообществ. Согласно логике Бурдые, объективация выступает одним из ключевых способов формирования габитуса (Бурдые 1998). Она связана с тем, что субъективность индивидов и формируемых ими сообществ объективируется, организуясь при помощи усвоенных ими внешних структур и превращаясь в габитус. Объективация — это и условие превращения повторяющихся, типизированных практик в устойчивые структуры. Продукт объективации носит характер социального конструкта, порождаемого и поддерживаемого в процессе повседневной социальной деятельности членов определенной общности. Механизмы проявляются на уровне устойчивых социальных взаимодействий. При реализации механизмов практики субъектов, входящих в социокультурное поле (в том числе в сообщество) или в различные социокультурные поля, пересекаются и образуют новое системное качество.

Сходы и собрания граждан, общественные обсуждения. Казалось бы, логика данного механизма описана в федеральном законе Российской Федерации «Об общих принципах организации местного самоуправления» (Федеральный закон... 1993). Вместе с тем сам механизм шире, чем нормативно-правовая база, его регламентирующая. Процесс общественного обсуждения той или иной проблемы территории как нового вызова (будь то благоустройство, защита животных, организация культурно-массового мероприятия) предполагает ситуацию взаимодействия внутри сообщества, порождающую новое надындивидуальное (системное) качество, свойственное социокультурному полю (Ильин 2003). Попав в одно поле, люди, разные по своему характеру, взглядам и манерам поведения, начинают вести себя сходным образом. На практике действие данного механизма может выражаться в нескольких вариациях.

1. Принятие демонстрирует одобрение сообществом варианта решения проблемы, объекта благоустройства и т.п. В результате возникает ситуация надындивидуального долженствования, принятого боль-

шинством: *Жители единогласно проголосовали за установку детской площадки... это сейчас первоочередное, что требуется проживающим в многоквартирном доме по улице N, там много семей с маленькими детьми* (респондент, женщина, 36 лет).

2. Напротив, конфликт как механизм приводит к выработке нетривиального решения. Ситуация может развиваться как позитивно, так и негативно. В первом случае члены сообщества определяют целесообразность решения возникшей проблемы (*Принято решение пересмотреть надобность ремонта сквера в этом году ввиду существенных затрат* /респондент, женщина, 36 лет/), находят наиболее рациональные способы решения. Во втором случае в сообществе возникает раскол, что приводит к формированию новых групп влияния и иногда может положительно сказаться на привлечении новых ресурсов на территории впоследствии (ситуации так называемой конкуренции лидеров, социальной конкуренции).
3. Третьим вариантом проявления данного механизма может выступать стратегия. Когда решение задачи по развитию территории требует глубокого уровня проработки или имеет долгосрочную перспективу, касается вопросов инвестирования (в том числе социального), применяется данный механизм. Для таких случаев особое значение имеет наличие медиатора, куратора, иногда внешнего стратега. В Тотемском районе автор статьи осуществлял включенное наблюдение стратегических сессий по проекту реновации набережной Кускова в г. Тотьме и по развитию сельских территорий средствами социокультурной деятельности. Именно стратегическое видение позволяет говорить о плановности решений по развитию территорий, прогнозированию социально-экономических эффектов и об управляемой модели формирования сообщества вокруг этого.

Инициативное бюджетирование. Это совокупность временно-устойчивых разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных и иных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных проектов.

Инициативное бюджетирование как механизм влияния сообществ на локальное развитие включает:

- проведение исследований общественного мнения по решаемым вопросам (благоустройство, освещение, создание новых общественных мест отдыха, мест для занятий физкультурой и спортом, выработка мероприятия для молодежи и т.п.);

- вовлечение жителей в отбор объектов, мест для ремонта, благоустройства и т.п. в целях эффективного использования ресурсов;
- проведение сходов и собраний граждан, обсуждения;
- частичный сбор средств от жителей в целях софинансирования реализации подобных проектов, трудовое участие граждан и т.п.

Последнее имеет принципиальный момент: готовность вложить личные ресурсы, например деньги, время, стройматериалы, навыки, полезные связи и т.п., конвертируемые в другие общественно значимые ресурсы территории (места отдыха, новые объекты пожарной безопасности, интересные массовые мероприятия) и при определенных обстоятельствах трансформируемые в разные формы капитала (остаться на выходные для участия в культурном событии на территории позволяет оставить финансовый капитал и привлечь его извне от жителей других территорий и др.), является цементирующим фактором деятельности сообществ.

Во многих российских регионах реализуются проекты инициативного бюджетирования («Решаем вместе» в Ярославской области, «Народный бюджет» в Кировской и Вологодской областях и т.п.). Такие проектные инициативы предполагают участие органов власти или специальных подведомственных структур в целях оперирования проектным процессом. Только в Тотемском районе за период 2015–2020 гг. реализованы / находятся в стадии реализации 195 инициатив, часть проанализированных из них обладают ценностью в контексте образования сообществ, как правило, вокруг старост населенных пунктов.

Краудфандинг — коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои финансовые или иные ресурсы вместе, как правило, через Интернет, чтобы поддержать усилия других людей или организаций для реализации ими социокультурного проекта. Сбор средств может служить различным целям — для помощи пострадавшим от стихийных бедствий, выпуска новой книги, проведения культурно-массового мероприятия, создания памятника или арт-объекта, поддержки общественной инициативы, благоустройства и т.п. Отличительная особенность краудфандинговых проектов — явная выраженность планируемого результата. Особое внимание в краудфандинговом проекте отводится постоянной поддержке общественного внимания к инициативе как в ходе сбора средств (ресурсов), так и в ходе претворения идеи в жизнь. Например, в Тотеме удалось собрать средства на появление памятного знака символу города, изображенному на гербе, — черной американской лисиче. Неудивительно, что ресурсы поступали и от общественных организаций, занимающихся историей изучения Русской Америки.

Проектная деятельность через реализацию грантовых проектов.

Грант — денежные средства, предоставляемые на конкурсной, безвозмездной и, как правило, безвозвратной основе на осуществление конкретных проектов, имеющих социокультурное значение, с обязательным предоставлением грантооператору отчета о целевом использовании гранта. Для программных проектов возможно специализированное финансирование, но именно для грантовых оно выражено особо ярко. Реализация грантовых проектов представляет для сообществ в малых населенных пунктах особый интерес, поскольку позволяет привлечь дополнительное или единственное реальное финансирование на осуществление идеи. На уровне грантовых проектов можно говорить о постепенно складывающемся рынке социокультурных проектов. Именно здесь появляются новые профессиональные группы, в том числе фрилансеры («социокультурные проектировщики», консультанты, грантмейкеры и др.), новые общности и институции (ресурсные центры, коммуникаторы в социокультурной сфере, культуртрегеры, новые некоммерческие организации, в том числе социально-ориентированные). В малых населенных пунктах это только зарождающаяся тенденция, более характерная для региональных центров.

Организация новых СО НКО. Зарождающимся в глубинке механизмом прямого участия сообществ в стимулировании новых видов деятельности и привлечении ресурсов на территорию является образование активными группами новых неправительственных социально ориентированных некоммерческих организаций (Федеральный закон 1996). Материалы исследования показывают, что тенденция коренится в усилении государственной позиции и политики по отношению к СО НКО как к исполнителям общественно-полезных услуг, систематизации грантовой поддержки через функционирование Фонда президентских грантов для НКО. Пока говорить о значительном увеличении числа НКО в провинциальных территориях рано, однако явная тенденция намечена (например, в Тотемском, Великоустюгском районах). Изученные кейсы демонстрируют, что СО НКО могут формироваться:

- как логическая форма поэтапной жизни сообщества, что позволяет систематизировать деятельность, заявлять о сообществе как о целостном субъекте локальных интересов, например так образуются объединения, работающие с явными целевыми аудиториями (с детьми с особыми потребностями, с молодежью, ветеранами пограничных войск и др.);
- инструмент привлечения грантовых средств и перераспределения имеющихся ресурсов как агрегатор мини-групп на территории (чаще — фонды как разновидность СО НКО);

- субъект активной деятельности на территории, занимающийся решениями значимых социальных проблем (Федеральный Закон 2010) и оказанием социальных услуг, в основном через замещение ниш, недостаточно охваченных государственным сектором бюджетных учреждений (оказание социальной помощи, оказание услуги в области детского отдыха, предоставление услуг культурного обслуживания, работа с лицами с ОВЗ и др.).

Информационные сети и PR. Современные информационные ресурсы, во многом ставшие доступными для глубинки благодаря широкому распространению доступа к Интернету, формируют предпосылки для усиления сетевых взаимодействий. Последние стимулируют агрегацию новых онлайн- и офлайн-сообществ в малых населенных пунктах. Информационные поля, конструируемые вокруг малых городов и сельских поселений, диктуют свои правила: появляются ресурсы узнаваемости территории во внешней среде, имидж, новое прочтение пространства обнаруживается у местных жителей, начинают развиваться новые практики и институции. В этом плане интересны проекты по типу «Народный экскурсовод», встречающиеся в нескольких районах Вологодской области, когда местные краеведы, представители музейных сообществ и инициативные жители запускают «вирус краеведения» (респондент, мужчина, 29 лет), вовлекающий местные сообщества в создание авторских экскурсий, организацию частных исследовательских проектов, брендинг.

Наиболее доступным проявлением механизма становится подготовка и опубликование в интернет-ресурсах контента, обеспечивающего поддержание традиционных для населенного пункта символических смыслов и выработку новых. Тексты стоит различать по авторству: в их создании могут принимать участие как инсайдеры, так и аутсайдеры. По характеру изложения материала чаще выделяются три типа:

- описательно/повествовательно-антропологические (описание местной жизни, традиций, в том числе современных, контент о насущных проблемах); например, почти каждый изученный кейс в рамках исследования обладает своим пабликом «Подслушано» в известной социальной интернет-сети; в пабликах такого направления на обсуждение выносятся насущные бытовые, социальные проблемы, регламентируемые в самой простой, доступной для большинства членов сообществ форме;
- профессионально/повествовательно-туристические (заметки о достопримечательностях, знаковых событиях исторического прошлого, предметах гордости, в том числе в современное время; для отдельных изученных кейсов Вологодской области характерно преобладание

краеведческо-туристических материалов, для других — заметок патриотической, воспитательной направленности);

- журналистско-«разведывательные»: журналистские справки, материалы, контент блогеров, чаще всего о текущей ситуации, характеризующиеся как «новости».

Значимость данного механизма основывается на доступности сообществ влиять на привлечение символических и трансформируемых из них иных типов ресурсов и капиталов (чаще — денежных, социальных, реже — политических) на территории. Немаловажно и то, где пишут (VK.com, Facebook, Telegram, ЖЖ и др.): SMM-технологии сегодня активно проникают в информационные поля глубинки.

Конструирование туристических достопримечательностей. Природа туризма связана с перемещением людей в географическом пространстве к местам расположения значимых для них достопримечательностей. По меткому выражению А. Тоффлера, в современном мире происходит трансформация значения места в человеческой жизни (Тоффлер 1997: 57). Векторы туристической мобильности направлены в участки, где расположены уникальные с точки зрения туристов объекты и явления. Дж. Урри выделяет признаки туристических практик: временность (перемещение к местам локализации достопримечательностей носит временный, сезонный характер), экзотичность (турист попадает в непривычные для него физические и социокультурные условия), глобальность (при благоприятных условиях туристическая деятельность может реализовываться в любом месте), системность (туризм — это не только перемещения людей, но и совокупность систем производства и потребления товаров и услуг), конструирование мест (привлекательность места — результат конструирования в его границах достопримечательности) (Урри 2005; Urry 2002).

В малых населенных пунктах развитие как въездного, так и внутреннего туризма (с ракурса данных типов поселений) при креативных подходах и согласованных действиях местных сообществ обладает явными системными эффектами в контексте капитализации внутренних ресурсов и привлечения внешних. Достопримечательность — это социальный ресурс территории, вокруг которого формируется обладающее свойствами дискурса социокультурное поле.

Ввиду ограниченности в глубинке человеческих и других ресурсов, развитости «кредитов доверия» происходит формирование тесных сетевых отношений между потенциальными субъектами туристической деятельности, ограниченность ресурсов способствует вовлечению разнообразных местных агентов в туристическую деятельность в малом городе, предоставляя большие возможности для экспорта локального на туристическом

рынке. Конструирование туристических достопримечательностей является фактором трансформационных процессов социальной структуры малого города: частично изменяется профессиональная структура и меняются режимы занятости, появляются их новые формы, формируются ростки для развития креативного и традиционного среднего классов, интенсифицируется деятельность ряда институтов и изменяются их традиционные функции (например, музеев, библиотек и даже художественных школ). Вместе с тем добавленная стоимость, заложенная в достопримечательности, присваивается как отдельными субъектами малого города (предпринимателями, самозанятыми, городскими и сельскими учреждениями и пр.), так и в целом населенным пунктом (налоги в бюджет, строительство новых дорог как результат распределения политических ресурсов, улучшение инфраструктуры и пр.).

Механизмы землячества и инвестирования. Данные механизмы объединены в подгруппу ввиду общих признаков ресурсных конвертаций. Установление устойчивых связей с земляками, проживающими в других местах, позволяет конвертировать социальные и символические ресурсы в финансовые, политические и другие, а также капитализировать их. Например, благодаря поддержанию рабочих и дружественных взаимоотношений с тотемским землячеством в Вологде и вологодским землячеством в Москве представителям тотемских сообществ удается реализовывать некоторые инициативы: издание краеведческой литературы, популяризация традиций среди потенциальных туристов, решение вопросов по благоустройству, организация фестивалей колокольной музыки и др.

Инвестирование как механизм влияния сообществ на развитие территории встречается в следующих разновидностях:

- финансовое/внешнее: классический случай, характеризующийся поиском инвестора извне, как правило, под заранее разрабатываемые инвестиционные паспорта, проекты (встречаются в каждом муниципалитете Вологодской области);
- финансовое/внутреннее: не всегда инвестор — тот, кто должен приехать с большими деньгами из других мест, встречаются и случаи инвестирования заинтересованных местных в объекты недвижимости, благоустройство, проекты по исторической реконструкции, туршмаруты (например, музейно-выставочный центр «Бирюзовый дом» в с. Никольском Тотемского района, проект туристического развития с. Сизьма Шекснинского района);
- нефинансовое/внешнее: инвестирование в виде нужных связей, знакомств, социальных, политических ресурсов (политические ресурсы,

- использованные в ходе реализации проекта «Великий Устюг — родина Деда Мороза», в который вовлечены местные сообщества);
- нефинансовое/внутреннее: аналогичное действие механизма, основывающееся на поиске внутренних возможностей, «скрытых» ресурсов, которые могут работать на развитие территории.

Модели участия сообществ в развитии малых территорий

Практики раскрывают специфику формирования сообществ (что? из чего?), механизмы носят первичный объяснительный характер системного влияния сообществ на консолидацию внутренних ресурсов и привлечение новых извне (как? за счет чего?). Модели же демонстрируют типичные образцы и носят устойчивый объяснительный характер конструирования локальных жизненных миров и формирования основных социальных структур (каким образом? почему?). В ходе исследования были выявлены три наиболее типичные модели влияния сообществ на развитие малых территорий, однако каждая модель представляет, скорее, идеальный тип, включающий синтез определенных практик и механизмов.

Модель «пульсирующих» сообществ. Активность формирования и деятельности сообществ носит «волнообразный», «пульсирующий» характер. Как правило, практики инициативного лидерства, формирования сообщества вокруг решения локальной проблемы или проектной команды в контексте реализации механизмов активизации туристического сектора, инициативного бюджетирования, отдельных (точечных) проектов, информационных сетей позволяют заявлять о проблеме, значимой для некоторого круга пользователей территории, привлекать дополнительные внешние ресурсы (гранты, новые связи, турпоток, внимание СМИ и др.) на разовой или несистемной основе. Решение проблемы, как правило, приводит к ослаблению роли сообщества до следующего «вызова» или полностью.

Административная модель. Модель характеризуется порождением инициатив «сверху»: ресурсы управления находятся преимущественно во властно-бюрократическом поле. Типичная практика — организация сходов граждан, из механизмов чаще встречаются инициативное бюджетирование, активизация земляческих сетей. В рамках данной модели активность сообществ нередко профессионализируется, жизненные траектории сообществ определяются логикой властно-бюрократической машины.

Модель системного управления инициативами. Инициатива в контексте данной модели сама по себе понимается как ресурс территориального развития. Обладая инструментальным характером, инициатива

«стремится» быть вписанной в общую социокультурную и ресурсную повестку территория как поля. Следование данной модели означает внедрение практики проектного управления на уровне населенного пункта или района, систематизацию локальных институтов гражданского общества, наличие проектного офиса или ресурсного центра, опирающихся на принципы стратегического планирования и нацеленных на содействие системно выстраиваемой совместной работы власти и сообществ. Достижение такой модели требует мастерства социокультурного и политического управления, она вбирает в себя наиболее эффективные элементы моделей, сформулированных выше.

От развития сообщества к развитию территории

Территории (районы, города, страны) конкурируют между собой, и одним из современных факторов неравенства становится наличие активного сообщества. Логика трансформации ценимых ресурсов и обмена ими определяет структуру социального пространства. Различные по масштабу населенные пункты как элементы территориальной структуры включены в данный процесс. Малые города и сельские поселения в логике ресурсно-распределительных потоков, как правило, находятся в режиме социального исключения, поэтому значимую роль в капитализации местных ресурсов и в их притоке извне играют жители, формирующие местные сообщества. Местное сообщество представляет собой как совокупность внутренних сообществ жителей, разделяющих определенные ценности, нормы и действующих в соответствии с различными правилами, так и определенный уровень развития солидарности таких сообществ.

Природа сообществ (на примере исследования в малых населенных пунктах Вологодской области) носит комплексный характер, что позволяет говорить о палитре практик их образования и специфике, характерной для малых территорий. Значительную роль в формировании сообществ играет лидерство, включая командное, разделение общих ценностей, принятие общих для жителей проблем (благоустройство, комфортная среда проживания, социальные проблемы и др.).

В малых населенных пунктах сообщества используют разные группы механизмов, напрямую или косвенно участвуя в привлечении ресурсов на территории и их капитализации: инициативное бюджетирование, проектно-грантовую деятельность, локальные инвестирования, информационную и PR-деятельность в социальных сетях, конструирование туристических достопримечательностей.

Практическая значимость статьи обусловлена тем, что выявленные практики и механизмы могут быть приняты во внимание и использовать-

ся как перспективные ориентиры в деле локального управления изменениями, стимулирования развития сообществ. Исследование показало, что устойчивая активность сообществ, «мотивированная» на достижение общих, согласованных между разными локальными группами результатов, как правило, не может существовать без системной поддержки «центра», «ядра», материализуемого через формы ресурсного центра, функции которого могут выполнять и органы местного самоуправления.

Следовательно, из возможных «модельных сценариев» наиболее перспективным является системное управление инициативами, предполагающее наличие на территории не только обладающих устойчивостью локальных групп и сообществ, но и своего рода центра социокультурного развития (вопрос о его подчинении — СО НКО, орган власти, инициативная группа — также важен), «усредняющего» взаимодействие сообществ между собой и с органами местного самоуправления. Именно этого «усреднения» не хватает для сообществ (в широком значении) на малых территориях, ввиду чего имеющиеся социальные и властные ресурсы не аккумулируются, рассеиваются, а новые — не привлекаются, что является типизированной реальностью для глубинки.

Авторская позиция состоит в том, что лишь через выявление конкретных операционных практик, механизмов и моделей вовлечения сообществ возможен поиск работающих вариантов включения жителей в систему управления ресурсами территории. Исследовательские данные показывают, что на сегодняшний день традиционно слабым, но доступным остается механизм общественного обсуждения, из новых поднимаются в рост механизмы проектной деятельности, в основном за счет привлекательности грантового финансирования. Именно эти механизмы и будут в приоритете, пока существующие прообразы ресурсных центров или органы местного самоуправления на территориях не переориентируются на стимулирование выработки внутренних ресурсов (инициативное бюджетирование, конструирование туристических достопримечательностей, землячества) в противовес исключительно привлечению ресурсов извне.

В большей мере статья носит поисково-описательный характер. Детализация механизмов и моделей, прогнозные методики влияния разных типов сообществ на привлечение и капитализацию ресурсов — предмет дальнейших изысканий.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации

образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».

Литература

Бурдые П. (1993) Социальное пространство и символическая власть. *THESIS*, 2: 137–150.

Бурдые П. (1993) *Социология политики*. Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos.

Бурдые П. (1998) Структура. Габитус. Практика. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1(2): 40–58.

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Гидденс Э. (1999) *Социология*. Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС.

Гидденс Э. (2003) *Устройство общества: очерк теории структуризации*. М.: Академический проект.

Демчук Н.В. (2019) Местное сообщество: интерпретация понятия. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, 2(41): 111–121.

Ильин В.И. (2010) Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса. *Мир России*, 19(1): 89–125.

Ильин В.И. (2000) *Социальное неравенство*. М.: Изд-во «Институт социологии РАН».

Ильин В.И. (2008) *Потребление как дискурс*. СПб.: Интерсоцис.

Ильин В.И. (2003) Феномен поля: от метафоры к научной категории. *Рубеж*, 18: 29–49.

Новосёлов А.М., Чернега А.А. (2016) Культурно-историческое наследие как инструмент консолидации населения: тотемский кейс. *Философские науки*, 1: 63–79.

Прохоров Д.В. (2016) Значение развития местных сообществ для повышения эффективности муниципального управления. *Современные исследования социальных проблем*, 12: 279–295.

Райт Э. (2000) Марксистские концепции классовой структуры. *Рубеж*, 15: 36–85.

Тоффлер А. (1997) *Футурошок*. СПб.: Лань.

Урри Дж. (2005) *Взгляд туриста и глобализация. Массовая культура: современные западные исследования*. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: 136–150.

Шманкевич Т.Ю. (2012) Социология образования и социология школы: общее и особенное. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12*, 2: 286–291.

Anholt S. (2009) *Places: Identity, Image and Reputation*. L.: Palgrave Macmillan.

Urry J. (2012) *The Tourist Gaze*. L.: Sage.

Wood M. (2016) Politicisation, depoliticisation and anti-politics: towards a multilevel research agenda. *Political studies review*, 14(4): 521–533.

Источники

Толковый словарь русского языка (2003). Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ.

Федеральный Закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Федеральный Закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

Федеральный Закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Статья 31.1. «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления».

«THE POWER OF LOCAL COMMUNITIES»: PRACTICES, MECHANISMS AND MODELS OF RESIDENT'S PARTICIPATION IN SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF TERRITORIES (on the materials of small towns and villages in the vologda region)

Artyom Chernega (chernega_1990@mail.ru)

Administration of Totma district, Vologda Region, Totma, Russia

Citation: Chernega A. (2020) «Sila mestnykh soobshchestv»: praktiki, mekhanizmy i modeli uchastiya zhiteley v sotsiokul'turnom razvitii territorii (na primere malyykh naseleennykh punktov Vologodskoy oblasti) [«The power of local communities»: practices, mechanisms and models of resident's participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the Vologda Region)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(3): 51–77 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.3>

Abstract. The problematic of this article is rooted in the issue of the role of active local communities in the development of territories. The materials are presented on the basis of empirical research by small territories at the Vologda region. The formulation of the question presupposes an analysis of the classic contradiction between social structure and people's actions in accordance with the theoretical and methodological logic of the integrative approach (P. Bourdieu, E. Giddens). On the one hand, the structure dictates certain rules of interaction and activity in the interior space. On the other hand, residents as communities participate in stimulating resource distribution processes. The results are attracting resources to small areas and the emergence of new ones within communities. The article includes theoretical, methodological and empirical parts. The first part consist

of analysis of model of territorial structure as a kind of social structure and analysis of approaches to definition of local communities. Empirical material was founded on the basis of included observation and case studies of small towns and villages in eight municipal districts in the Vologda region (2017–2020). Research methods include interviews, observation, document analysis, questionnaire survey, focus groups, etc. The scientific novelty of the research consists of ethnographic description and systematization of the varieties of the most typical practices constructing of active local communities in small territories (practices are based on proactive leadership, localization of a social problem, solidarity of values and interests, production of project solutions); mechanisms of involving communities in development of territories (public discussions, proactive budgeting, crowdfunding, project activities, activities of the non-profit sector, information networks, constructing of tourist showplaces, mechanisms of community and investment); models of community participation in the development of small territories. The main conclusion is substantiation of system management model of initiatives as a predictive model.

Keywords: local communities, development of territories, province, project management, resources.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project no. 19-18-00562 “Socio-ecological determinants of lifestyle transformation and social development of modern rural communities in conditions of depopulation (on the example of the regions of the Near North of Russia)”.

References

- Anholt S. (2009) *Places: Identity, Image and Reputation*. London: Palgrave Macmillan.
- Bourdieu P. (1993) Sotsialnoe prostranstvo i simvolicheskaya vlast [Social space and symbolic power]. *THESIS [THESIS]*, 2: 137–150 (in Russian).
- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos (in Russian).
- Bourdieu P. (1998) Struktura. Gabitus. Praktika [Structure. Habitus. Practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1(2): 40–58 (in Russian).
- Demchuk N.V. (2019) Mestnoe soobshchestvo: interpretatsiya ponyatiya [Local community: interpretation of the concept]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2(41): 111–121 (in Russian).
- Giddens E. (1999) *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Giddens E. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: an outline of the theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).
- Ilyin V.I. (2000) *Sotsialnoe neravenstvo* [Social inequality]. Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).

Ilyin V.I. (2003) Fenomen polya: ot metafory k nauchnoy kategorii [Field phenomenon: from metaphor to scientific category]. *Rubezh* [Frontier], 18: 29–49 (in Russian).

Ilyin V.I. (2008) *Potreblenie kak diskurs* [Consumption as a discourse]. St. Petersburg: Intersocis (in Russian).

Ilyin V.I. (2010) Social'naya strukturaciya v tranzitivnom prostranstve rossijskogo megapolisa [Social structuration in transitive space of the Russian megalopolis]. *Mir Rossii* [World of Russia], 19(1): 89–125 (in Russian).

Novosyolov A.M., Chernega A.A. (2016) Kul'turno-istoricheskoe nasledie kak instrument konsolidacii naseleniya: totemskij kejs [Cultural and historical heritage as a tool for consolidating the population: the case of Totma]. *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1: 63–79 (in Russian).

Prokhorov D.V. (2016) Znachenie razvitiya mestnykh soobshchestv dlya povysheniya effektivnosti municipal'nogo upravleniya [The importance of local community development for improving the efficiency of municipal management]. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Contemporary studies of social problems], 12: 279–295 (in Russian).

Shmankevich T.Y. (2012) Sociologiya obrazovaniya i sociologiya shkoly: obshchee i osobennoe [Sociology of education and sociology of schools: general and special]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg State University Bulletin]. Seriya 12, 2: 286–291 (in Russian).

Toffler A. (1997) *Futuroshok* [Futuroshock]. St. Petersburg: Lan (in Russian).

Urri J. (2005) *Vzglyad turista i globalizaciya. Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya* [Tourist perspective and globalization. Popular Culture: contemporary western studies]. Moscow: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury»: 136–150 (in Russian).

Urry J. (2012) *The Tourist Gaze*. London: Sage.

Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress (in Russian).

Wood M. (2016) Politicisation, depoliticisation and anti-politics: towards a multilevel research agenda. *Political studies review*, 14(4): 521–533.

Wright E. (2000) Marksistskie kontseptsii klassovoy struktury [Marxist concepts of class structure]. *Rubezh* [Frontier], 15: 36–85 (in Russian).